

Сделано в Европе: взгляд российских исследователей

В ДВУХ ТОМАХ

Том 2

Сборник статей
под редакцией Елены Белокуровой
и Марии Ноженко

НОРМА

Санкт-Петербург
2014

УДК316
ББК60.550+66.2
С27

*Издание осуществлено при поддержке Европейского Союза
Грант Европейской Комиссии 2010/253-710,
проект Support to the Establishment of the EU Centre in North West Russia.*

Рецензенты:

Здравомыслова Е.А., кандидат социологических наук (Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Омельченко Е.Л., доктор социологических наук (Санкт-Петербургский филиал НИУ ВШЭ)

Сделано в Европе: взгляд российских исследователей /
С27 Сб. статей под ред. Е. Белокуровой и М. Ноженко: в 2 т. –
СПб.: Норма, 2014.

Т. 2: Идентичности в Европе и России – СПб.: Норма,
2014. – 192 с.

ISBN 978-5-87857-239-2 (Т. 2)

Сборник представляет собой один из результатов проекта Центра европейских исследований – Центра Европейского Союза Европейского университета в Санкт-Петербурге, который был реализован в 2010–2014 гг. при поддержке Представительства Европейского Союза в России. Некоторые из статей, входящих в сборник, сосредоточены исключительно на анализе европейского опыта. Другие, напротив, содержат сравнение европейского опыта с российским. В большинстве статей представлены примеры взаимопроникновения, проявления российского в европейском и европейского в российском. Эти работы показывают, что интересно в сегодняшней Европе молодым российским исследователям, что им кажется релевантным для понимания сегодняшней России, а что, возможно, они могут понять в Европе лучше своих европейских коллег. Сборник представляет собой определенный срез того, как видят российские исследователи современную Европу, и будет интересен не только профессионалам, но и широкому кругу читателей.

Художник А. Ходот

ББК60.550+66.2

Данный материал опубликован при поддержке Европейского Союза. Содержание публикации является предметом ответственности авторов и не отражает точку зрения Европейского Союза.

ISBN 978-5-87857-239-2

© Белокурова Е., Ноженко М., 2014

© Ходот А., обложка, 2014

© Норма, оформление, 2014

Оглавление

Введение	4
ТОМ 2. ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕ И РОССИИ	10
ЧАСТЬ 1. РОССИЙСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	11
<i>Мария Пироговская.</i> «Европейская цивилизация» и «азиатское неряшество» в российских дискуссиях о прогрессе 1870–1890-х гг.: геополитика и антропология чувств	12
<i>Екатерина Собенникова.</i> «Со-существование в сотрудничестве», или Как национальная идентичность российских женщин-мигранток в Финляндии меняется в процессе пересечения границы между Россией и Финляндией	33
<i>Любава Шатохина.</i> Следы присутствия русскоговорящих в Хельсинки: между глобальным и региональным пространствами.....	57
ЧАСТЬ 2. ИДЕНТИЧНОСТИ В ФИНЛЯНДИИ	77
<i>Алиса Жабенко.</i> Лесбийские семьи с детьми в условиях видимости в Финляндии	78
<i>Татьяна Крихтова.</i> Русскоязычная евангельская церковь в Хельсинки: церковь-диаспора	100
ЧАСТЬ 3. ГРАНИЦА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ	129
<i>Григорий Сузи.</i> Установление административной границы между Карело-Финской ССР и Ленинградской областью в 1940 г.: влияние внешнеполитических и идеологических факторов	130
<i>Андриан Влахов.</i> Региональная идентичность в российской части Баренцева Евро-Арктического региона	151

Региональная идентичность в российской части Баренцева Евро-Арктического региона¹

В 1993 г. министры иностранных дел северноевропейских стран создали на политической карте континента новое образование, которое было призвано укрепить и расширить сотрудничество между ними – Баренцев Евро-Арктический регион (далее также Баренц-регион или БЕАР). Его появление в этом месте и в это время было не случайным: оно ознаменовало собой окончание эры закрытых границ и стало одной из первых попыток новорожденного российского государства наладить добрососедские отношения с «капиталистическими» государствами. Основной целью создания региона было укрепление горизонтальных трансграничных связей между регионами-соседями и налаживание отношений между людьми на низовом уровне. Будучи одним из первых подобных образований на территории Европы, Баренц-регион стал одновременно и площадкой для испытания различных моделей социального и политического взаимодействия, и пространством трансформации уже существовавших практик и институтов.

За двадцать лет своего существования Баренц-регион довольно сильно изменился как в пространственном отношении, расширив свою территорию почти вдвое, так и в сущностном аспекте – сформировав собственную идеологию и институты. Одновременно менялись и населяющие регион люди: трансформация политической и социальной ситуаций неизбежно влечет за собой и изменение самоидентификации населения. В центре внимания моего исследования находится вопрос о том, можно ли говорить о существовании особой культурно-социальной идентичности жителей Баренц-региона, и если да, то какие маркеры оказываются наиболее важными для их самоидентификации?

¹ Исследование выполнено в рамках проекта *Assessing Arctic Futures: Voices, Resources and Governance* фонда *MISTRA* (Швеция), а также при поддержке Центра европейских исследований – Центра ЕС Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Исследование фокусируется на российской части Баренц-региона как территории, более доступной для изучения и способной дать материал для сравнительного анализа внутрироссийской ситуации. Полевое исследование проводилось на территории Республики Карелия и Мурманской области в августе–сентябре 2012 г. Работая в рамках конструктивистской теоретической парадигмы, я рассматриваю вопрос о том, кем себя называют и ощущают жители региона. Не менее важным для меня является и вопрос о том, изменилась ли эта самоидентификация за прошедшие годы, и если да, то как. Вначале я анализирую общую политическую рамку, в которой конструировался и функционировал Баренц-регион, — парадигму европейской регионализации конца XX века. Затем на основании полевого исследования выделяю основные маркеры региональной Баренц-идентичности и в заключительной части статьи пытаюсь ответить на вопрос, существует ли сегодня особая Баренц-идентичность.

Границы и регионы в Европе: появление и функционирование. «Новый регионализм»

Во второй половине XX века в Европе произошли большие изменения в ее политическом устройстве и управлении, главным из которых стало формирование Европейского Союза. ЕС принес с собой множество новых аналитических категорий. Одной из главных из них стало практическое исчезновение материальных — а зачастую и формальных — границ между государствами.

Однако в силу ряда причин эти политические процессы имели и некоторый обратный эффект. Предлагавшееся в качестве официальной идеологии ЕС снятие границ между государствами не устраивало многих региональных акторов: свою роль играли и неравномерное экономическое развитие соседствовавших территорий, и опасения за местные языки и культуры, и вопросы политической власти и авторитета различных органов управления и т.д. (Paasi 2008: 465). Ответом на эти вызовы стали процессы *регионализации* и, как следствие, появление и институциональное закрепление множества *регионов* в составе объединенной Европы. Начало данного процесса относят к первой половине 1970-х гг., когда Европейские сообщества уже приобрели довольно

большое значение и стали объектом рефлексии в области социальных наук.

Научное и общественное обсуждение проблемы регионов послужило стимулом для появления различных политических институтов, объектом деятельности которых стали формировавшиеся регионы. Исследователи называют эти процессы *новым регионализмом* (Lähteenmäki 2007a: 10; Jörgen 1999: 86) в противопоставление регионализму XVI–XVIII веков, приведшему к появлению современных национальных государств. Как отмечают эти авторы, с каждым годом региональные акторы (органы власти, неправительственные организации, культурные объединения и др.) становятся все сильнее. Тем не менее указанные авторы обращают внимание и на то, что во многих случаях процессы конструирования новых регионов протекают менее успешно, чем хотелось бы их создателям.

Здесь необходимо отдельно подчеркнуть, что термин «регион» можно трактовать двояко: с одной стороны, существует традиционное географическое и политическое понимание региона как административно-территориальной единицы государства, которая является объектом региональной экономической и социальной политики. С другой стороны, регион можно понимать в контексте социально-конструктивистских теорий как культурное и политическое образование, осознанно создающееся определенными акторами на различных уровнях (государственном, надгосударственном, региональном, низовом) для достижения определенных целей. Не сбрасывая со счетов традиционного понимания региона, в данном исследовании я фокусируюсь на конструктивистской трактовке, описывая процессы создания и утверждения региона в общественном и политическом дискурсах и его дальнейшее функционирование.

Появление регионов и их границ – или, точнее, их конструирование – это основная часть региональной динамики и более крупных политических процессов, связанных с ней. Регионы в таком случае удобно представлять как явления процессуальные, способные появляться, существовать и исчезать. Такое представление о регионе финский исследователь А. Пааси называет *институционализацией регионов* (Paasi 2007: 30). Вслед за А. Пааси,

а также М. Китингом (Keating 2001: 228) можно выделить четыре аспекта институционализации региона: его территориальное, символическое и институциональное формирование, а также вовлеченность в систему региональных политических сил.

Тенденция к приграничной регионализации вкупе с масштабными политическими переменами в странах Восточной Европы в 1980–1990-х гг., сделавших возможным их прямое общение с «западными соседями», открыла перспективы конструирования трансграничных регионов и на внешних рубежах Европейского Союза. Появился даже специальный термин *Еврорегион (Euregio/Euroregion)*, обозначающий подобные трансграничные образования как внутри объединенной Европы, так и на ее внешних границах.

Кроме того, впоследствии в рамках внешней политики ЕС появилась еще одна инициатива — так называемое Северное измерение (*Northern Dimension*), направленное на укрепление сотрудничества между ЕС и Россией в стратегически важной северной зоне и предлагавшее еще более широкие возможности для сотрудничества на этой территории. Позже данная инициатива была преобразована в совместную политику ЕС, России, Норвегии и Исландии, направленную на трансграничное сотрудничество в странах Балтии и в Северной Европе. Северное измерение было включено в контекст функционирования уже существовавших трансграничных образований — Региона Балтийского моря (*Baltic Sea region*), Еврорегиона Карелия (*Euregio Karelia*) и Баренцева Евро-Арктического региона (*Barents Euro-Arctic region*). Основными сферами международного сотрудничества в этих регионах являются охрана окружающей среды, а также вопросы энергетики, ядерная безопасность, деловые отношения и социальное развитие.

Один из главных вопросов состоит в том, насколько существование таких сконструированных регионов влияет на повседневную жизнь людей, проживающих на их территории. Исследователи отмечают, что зачастую особых исторических предпосылок для создания подобных политических образований не существует, однако такие предпосылки могут быть сконструированы и успешно конструируются (Paasi 2007: 32). В результате регион может либо

остаться отвлеченным инструментом политического дискурса, существующим только «на бумаге», либо стать частью социальной реальности и начать оказывать влияние на жизнь населяющих его людей. В своем исследовании я попробовал ответить на этот вопрос в отношении Баренцева региона как одного из примеров сконструированных регионов.

Баренцев Евро-Арктический регион: формальная рамка

Баренцев Евро-Арктический регион — межгосударственное образование, созданное странами Севера Европы — Данией, Исландией, Норвегией, Россией, Финляндией и Швецией — и Европейской Комиссией при участии нескольких государственных наблюдателей. Создание Баренц-региона датируется 1993 г., когда в Киркенесе (Норвегия) упомянутые стороны подписали декларацию «Сотрудничество в Баренцевом Евро-Арктическом регионе», известную как Киркенесская декларация.

В соответствии с Декларацией (Kirkenes Declaration 1993), на севере Европы появился новый межправительственный орган управления — Совет Баренцева Евро-Арктического региона, основной целью которого стало обеспечение сотрудничества между его участниками и устойчивое развитие региона. В Декларации указаны области, сотрудничество в которых является приоритетным: экономика, торговля, наука и технологии, туризм, охрана окружающей среды, развитие инфраструктуры, образовательный и культурный обмен, а также проекты, направленные на улучшение положения коренных малочисленных народов Севера. Тогда же были впервые определены географические границы Баренц-региона: в него вошли северные регионы четырех наиболее заинтересованных государств — Норвегии, России, Финляндии и Швеции. Позже в соответствии с предусмотренной в Декларации возможностью список регионов-участников был расширен, в результате чего на 2013 г. в составе Баренц-региона находились 13 полноправных регионов и один регион-наблюдатель.

В целом, хотя прямо в Декларации об этом и не говорится, ее текст проникнут пафосом развития восточных территорий Баренц-региона, то есть России, и привнесения на ее территорию определенных «западных» стандартов. В начале 1990-х гг. в таком

сценарии были заинтересованы все стороны: европейские партнеры вследствие открытия границ стремились получить доступ к российским ресурсам, российская сторона была готова делиться ресурсами в обмен на технологические, инфраструктурные и другие изменения (Hønneland 2009: 44–46). Исследователи считают Норвегию основным актором, от которого исходила инициатива создания БЕАР. Процесс его формирования аналитики склонны представлять в следующем виде: рождение проекта в начале 1990-х гг. в Министерстве иностранных дел Норвегии в Осло – согласование проекта с российским МИДом – приглашение в проект представителей других государств – доведение этой информации до сведения региональных акторов – институционализация БЕАР в 1993 г. (Hønneland 1998: 278–279; Рогова 2010: 228–229).

Дальнейшее развитие Баренц-региона происходило по сценарию постепенного углубления сотрудничества и географического расширения. Первоначальные семь регионов превратились в тринадцать, в результате чего номинация «Баренц-регион» стала несколько размытой – южная и восточная границы региона теперь значительно удалены от побережья Баренцева моря, где БЕАР когда-то зарождался. На 2014 г. в составе Баренц-региона находились: от Норвегии – округа Нурланн (*Nordland*), Трумс (*Troms*) и Финнмарк (*Finnmark*); от России – Мурманская и Архангельская области, Ненецкий автономный округ, Республика Коми и Республика Карелия; от Финляндии – области Лапландия (*Lappi*), Оулу (*Oulu*) и Кайнуу (*Kainuu*)²; от Швеции – лены Вестерботтен (*Västerbotten*) и Норрботтен (*Norrbotten*).

На 2013 г. органы управления Баренц-региона выглядели следующим образом:

1. Существующий с 1993 г. *Совет Баренцева Евро-Арктического региона*, разрабатывающий общие принципы сотрудничества в регионе и действующий на уровне министерств иностранных дел.

2. *Региональный Баренц-совет*, развивающий прямое сотрудничество между регионами в виде конкретных программ по тем или иным областям деятельности. В Региональный совет, собира-

² С 2008 г. – также Северная Карелия (*Pohjois-Karjala*) в статусе наблюдателя. Данные с официального сайта Совета Баренц-региона (<http://www.beac.st/in-English/Barents-Euro-Arctic-Council/Barents-Regional-Council>).

ющийся раз в полгода, входят представители исполнительной власти каждого из регионов-членов, а также представители коренных малочисленных народов. Региональный совет разрабатывает и принимает *Баренц-программу* – стратегию развития Баренц-региона на ближайшие пять лет, являющуюся основным фреймобразующим документом для оперативной деятельности³.

3. *Рабочие группы*, которые осуществляют непосредственное управление проектами, реализуемыми на территории и на средства Баренц-региона. Эти группы могут быть прикреплены как к Совету Баренц-региона, так и к Региональному Баренц-совету; существуют также совместные группы двух Советов, а также независимая группа по делам коренных малочисленных народов.

Помимо органов управления есть также и их региональные представительства – так называемые офисы Баренц-секретариата, в фокусе внимания которых находятся вопросы связей с общественностью и финансирования гуманитарных трансграничных проектов. Центральный офис Баренц-секретариата находится в Киркенесе. В России действуют два региональных офиса – в Мурманске и Архангельске. Открытию мурманского офиса предшествовало сотрудничество саамских активистов в рамках деятельности Рабочей группы по коренным малочисленным народам. На данный момент офис концентрируется на поддержке некоммерческих проектов по улучшению жизни признанных коренных малочисленных народов региона (саамов, ненцев и вепсов) и по укреплению российско-норвежского сотрудничества. Программа пользуется популярностью: по свидетельству сотрудников офиса, за первое полугодие 2012 г. было получено более сотни заявок на осуществление проектов, большинство из которых получили финансовую поддержку.

Что касается Баренц-сотрудничества на уровне органов власти, то необходимо отметить, что органы, ответственные за трансграничное сотрудничество, существуют во всех российских регионах-участниках БЕАР как на региональном, так и на муниципальном уровне. Особенно сильным в аспекте сотрудничества

³ Подробнее о действующей Баренц-программе и ее перспективах см.: Кондратов 2010: 10–12.

с зарубежными партнерами является подразделение районной администрации Печенгского района Мурманской области, достигшее важных успехов в формальном аспекте сотрудничества (в первую очередь речь идет о подписании Россией и Норвегией в 2010 г. на государственном уровне соглашения о безвизовом передвижении жителей приграничных территорий – Печенгского района и коммуны Сер-Варангер).

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что Баренц-регион, история которого насчитывает уже более 20 лет, является трансграничным образованием со своей структурой управления, главной целью существования которого является успешное региональное сотрудничество в горизонтальной плоскости между соседними регионами государств-участников во многих сферах деятельности. Особое внимание при этом уделяется улучшению положения коренных народов, а также вопросам культурного и социального сотрудничества.

Баренц-регион как политический и социальный конструкт

Многие исследователи склонны рассматривать Баренцев Евро-Арктический регион как искусственное образование, созданное силами политиков и историков в целях обслуживания геополитических интересов различных акторов. Действительно, нельзя сомневаться в том, что непосредственное зарождение идеи Баренц-региона произошло в кабинетах норвежского Министерства иностранных дел в начале 1990-х гг. (Nielsen 2007: 232–233). После появления проекта и торжественного создания региона в научной печати появились несколько книг и статей, которые описывали историческое прошлое региона, тем самым «разрабатывая почву» для его развития и доказывая, что трансграничное сотрудничество на территории БЕАР – идея не выдуманная, а связанная с корнями, уходящими глубоко в историю. Основных мотивов этих доказательств три: карельская трансграничная торговля, поморская торговля и миграции саамов.

Карельская трансграничная торговля, по данным историков, существовала со времен средневековья на всем протяжении русско-финской границы и, как утверждается, успешно осуществлялась до революции 1917 г. (а в некоторых местах даже дольше,

до начала Второй мировой войны). В финской исторической литературе эти процессы представлены как пример успешного сотрудничества на низовом уровне, не подчинявшегося указаниям центральной власти (Katajala 2007: 70–71). Затухание таких процессов рассматривается учеными и общественными деятелями как негативное явление (Леонтьев 1990: 81).

Поморская торговля также представляется как явление, имеющее глубокие корни. По современным представлениям, каботажные плавания беломорских и архангельских поморов к берегам северной Норвегии начались в XVIII веке, а своего расцвета достигли во второй половине XIX века, когда объемы низовой торговли стали превышать годовой официальный оборот архангельского порта (Булатов, Шалев 2001: 26). Важную роль в развитии этих торговых процессов сыграл тот факт, что поморская торговля царским указом была освобождена от таможенных пошлин. Этот аргумент был одним из основных в научных и политических дискуссиях по проблеме прошлого Баренц-региона: эпоха поморской торговли представляется как некий золотой век, когда все международные процессы протекали свободно, беспошлинно и без какого-либо государственного регулирования.

Не менее важной оказывается и саамская тематика. Для североευропейских стран во второй половине XX века становится чрезвычайно актуальным вопрос прошлого и будущего саамов — как в рамках «исторического покаяния» за притеснения этой этнической группы в прошлом (Nielsen 2007: 241), так и в рамках концепции устойчивого этнического развития, способного восстановить традиционную саамскую культуру. Саамы прошлого представляются в научной и популярной литературе как свободные скитальцы, идущие за своими оленями и не признающие ни государственных, ни природных границ (Дашинский, Ушаков 1988: 8). Такой образ оказывается чрезвычайно выгодным для идеологов Баренц-региона, также выступающих если не за отмену, то хотя бы за постепенную нейтрализацию границ на территории региона в целях взаимовыгодного сотрудничества.

Три описанных ранее фактора стали тем базисом, на котором строилась идеология создателей Баренц-региона. Для них, как и для всех окружающих, была очевидной искусственность ново-

рожденного политического образования, и, чтобы обосновать собственные усилия по конструированию коллективной истории, они использовали существовавшие в прошлом факты международного сотрудничества на территории БЕАР как основание для рассуждений о богатом совместном прошлом (Niemi 1998: 230). Некоторые ученые при этом считают такое конструирование недостойным исследователя и критикуют коллег за слишком активную позицию в политической деятельности (Stokke, Tunander 1994: 48–50).

В дальнейшем Баренц-регион начал обретать плоть в политическом и общественном дискурсе. Первым произошло его территориальное оформление: в Киркенесской декларации были определены границы региона, его участники и геополитическая стратегия. После этого настала очередь символической работы: в рамках определенных в той же Декларации идеологических целей существования региона были описаны общие ценности, которые должны были лечь в основу общего благополучия. Далее были сформированы региональные институты и осуществлено вхождение в систему политических сил на североευропейском пространстве. Завершающим этапом должна быть *идентификация* региона во внешнем и внутреннем сознании, которая закрепила бы образ региона в общественном и политическом дискурсе. Поскольку с момента появления Баренц-региона прошло не так много времени, еще рано ожидать формирования его идентификации, однако некоторые предположения относительно таких перспектив уже можно выдвигать.

Региональная идентичность в Баренц-регионе: теоретическая рамка исследования

Главным понятием, о котором будет идти речь в этой части статьи, является понятие региональной идентичности⁴. Как уже

⁴ Сам термин «идентичность» в русском языке еще не является устоявшимся, и в научной среде нередки споры насчет того, как следует правильно переводить англоязычный термин *identity*. Существуют два основных мнения по этому вопросу. Одно из них состоит в том, что слово «идентичность» имеет другое появившееся в русском языке раньше значение «полное совпадение, равнозначность». Сторонники этого мнения предлагают для устранения этой неоднозначности использовать термины «идентификация» или «самоидентификация». На мой взгляд, оба эти термина имеют не вполне уместный процессуальный семантический компонент, в то время как идентичность может рассматриваться и как лабильное и как статичное понятие. Поэтому я являюсь сторонником второй позиции – употребления

упоминалось ранее, с общетеоретической точки зрения мое исследование находится в рамках социального конструктивизма; этот подход трактует социальную и политическую реальность как плод в той или иной мере сознательного конструирования, осуществляемого отдельными индивидами, социальными группами и политическими акторами. Социальный конструктивизм был хорошо обоснован в трудах П. Бергера и Т. Лукманна, которые предложили воспринимать социальную реальность как преднамеренно или непреднамеренно сконструированную. Общество при этом воспринимается и как объективная, и как субъективная реальность одновременно, причем оба эти аспекта формируются за счет собственных механизмов: институционализации и легитимации, с одной стороны, и интернализации — с другой (Berger, Luckmann 1991: 149–150). Там же П. Бергер и Т. Лукманн вводят и понятие социальной идентичности, которую они считают плодом процесса социального конструирования (ibid.: 194).

Поскольку в данной работе я рассматриваю идентичности, сформированные в том числе и по признаку политической общности, то чрезвычайно важным является исследование И. Нойманна (Neumann 1999), в котором рассматривается формирование национальных и региональных идентичностей в Европе и России. Работа И. Нойманна посвящена в основном использованию образа «другого» в этих процессах, но один из основных ее выводов состоит в том, что региональные идентичности в целом конструируются точно так же, как и национальные. Последнее особенно важно в рамках данного исследования, так как позволяет применять конструктивистскую парадигму для описания региональной идентичности.

Необходимо прокомментировать также и второе слово из состава ключевого термина — региональная. Ранее уже обсуждались процессы регионализации, протекавшие в Европе в последней четверти XX века, их предпосылки и следствия. В контексте методологического обоснования исследования следует еще раз

в данном значении термина «идентичность» (естественно, с оглядкой на первичное значение данной лексики и без смещения этих двух значений); смысловые потери при таком словоупотреблении я считаю меньшими, чем в первом случае. В дальнейшем в статье используется преимущественно термин «идентичность».

подчеркнуть, что регион в Европе в этот период – сложное понятие, включающее в себя несколько измерений – географическое, политическое, культурное, экономическое и др., причем измерения эти воспринимаются как синкретичные, создающие общий образ региона. Очевидно, эту цель преследовали и создатели Баренц-региона, эксплицитно упоминая в Киркенесской декларации множественность возможных аспектов сотрудничества.

Полевое исследование. Маркеры идентичности

Для полевого исследования, проводившегося в августе–сентябре 2012 г., были выбраны два региона из российской части БЕАР, а именно – Республика Карелия и Мурманская область. В каждом из регионов исследование проводилось, во-первых, в столице (Петрозаводск и Мурманск соответственно), а во-вторых, в одном из административных районов, непосредственно примыкающем к границе. Для Карелии был выбран Костомукшский городской округ, а для Мурманской области – Печенгский административный район. Это дало возможность сравнивать ситуацию, с одной стороны, в больших и малых поселениях, а с другой стороны – в непосредственно приграничной местности и на территориях, удаленных от нее. В Костомукшском городском округе Республики Карелия исследование проводилось в городе Костомукше, в Печенгском районе Мурманской области – в поселке городского типа (в локальном употреблении – «городе») Никеле и городе Заполярном. Дополнительный интерес в контексте исследования вызывает то, что все три указанных «малых» населенных пункта фактически являются так называемыми моногородами и прямо зависят от градообразующих горнодобывающих предприятий, что дает дополнительные основания для сравнительного анализа.

Полевое исследование проводилось с 19 августа по 16 сентября 2012 г., в каждом из регионов начиналось со «столичного» города (Петрозаводск, Мурманск), после чего продолжалось в приграничной местности (Костомукша, Никель и Заполярный). Основной методикой, использовавшейся при проведении исследования, было свободное интервью с элементами направленности; основой для проведения интервью был опросник, использовавшийся, однако, лишь для задания общей темы беседы. Суммарно

интервью были взяты у 76 информантов (Петрозаводск – 22, Костомукша – 16, Мурманск – 26, Никель – шесть, Заполярный – шесть), их общая продолжительность – 55 часов. Позже интервью были расшифрованы с изъятием личных данных. Помимо интервью, в ходе исследования получены визуальные и текстовые данные различного рода (материалы местных краеведческих музеев; печатная продукция, издаваемая отделениями Баренц-секретариата; данные местных периодических изданий).

Основные темы, по которым получены сведения во время интервью, были следующими: развитие и особенности трансграничных контактов (в первую очередь в торговле, туризме и культуре); самоидентификация местных жителей, наличие или отсутствие узколокальной идентичности; отношение к своему городу (поселку), региону, северу, границе, стране-соседу; особенности местных трансграничных контактов на низовом уровне, отношения с соседями; экологические и ресурсные представления; видение будущего.

На базе полученных в ходе полевого исследования данных были выделены *маркеры* региональной идентичности – то есть аспекты, которые предположительно являются основанием для самоидентификации жителей региона. По своей сути маркеры – это указатели различия, то есть, другими словами, представления о том, что категория людей, условно называемая «мы», живет и действует не так, как все прочие категории людей («они»). Наиболее важными маркерами, отраженными в полевом материале, являются следующие пять: *ресурсы, локальная история, граница, экология, север*.

Ресурсы

Одно из самых важных оснований для самоидентификации жителей обоих регионов – *природные ресурсы*. И Карелия, и Мурманская область – ресурсодобывающие регионы, причем их добыча является основой региональной экономики.

В Мурманской области добываются в основном минеральные ресурсы: металлы, в том числе редкоземельные, и другие полезные ископаемые. Основных добывающих центров в Мурманской области два: широкопрофильные Хибинская и Мончегорская

группы месторождений в центре области, а также Печенгский кластер на северо-западе области, где добываются в основном никель и некоторые другие редкие металлы (основные населенные пункты – Никель и Заполярный). Геологическая уникальность региона (Мацак 2005: 179–180, 184, 430) являлась и является предметом гордости в общественном дискурсе: в многочисленных книгах и брошюрах, в местных газетах и повседневных разговорах, в интервью с респондентами.

Карелия поставляет на рынок два основных вида сырья – лес и металлы (в основном железо). Здесь существует сходная нарративная традиция представления региона как «кладовой» определенного вида ресурсов, с тем лишь отличием, что для Карелии таким ресурсом является лес. Регион в суждениях информантов предстает, с одной стороны, «лесным углом», где нет почти ничего, кроме лесов, скал, рек и подобных природных богатств, а с другой стороны – местом с действительно большими запасами леса, который поставляется сразу в нескольких направлениях. Во второй половине XX века в Северной Карелии были обнаружены запасы железных руд; для разработки основного месторождения был построен город Костомукша с огромным заводом по производству железорудного концентрата (сейчас ОАО «Карельский окатыш»).

Наличие в регионах больших объемов природных ресурсов и вытекающая из этого их экономическая успешность и относительная независимость являются несомненным поводом для гордости жителей регионов, что широко представлено в их суждениях. В то же время зависимость экономики обоих регионов от природных ресурсов многие жители склонны рассматривать как негативный фактор, так как, по их мнению, это препятствует развитию регионов и делает их зависимыми от других акторов. Согласно интервью, зависимыми Карелия и Мурманская область оказываются, с одной стороны, от федерального центра и крупных российских корпораций, владеющих местными комбинатами, а с другой стороны – от западных соседей по Баренц-региону, то есть от Финляндии и Норвегии. Причем, когда жители говорят об этом, они актуализируют не региональную идентичность, а общегосударственное измерение: в опустошении России всегда обвиняется Финляндия/Норвегия в целом, но не отдельные регионы.

Здесь можно сказать, что представления о соотношении «нас» и «их», «своих» и «чужих» демонстрируют довольно сильную подвижность. В том случае, если информант говорит о деятельности, направленной, по его мнению, против конкретного микро-региона, то «мы» — это жители Костомукши, Никеля, Мурманска и т.д., а «они» — региональные/федеральные органы власти, крупные национальные холдинги и т.п. Когда речь идет о «расхищении богатств России», то актуализируется общероссийская идентичность информанта, а «ими» становятся иностранцы, которые данное «расхищение» осуществляют. Кажется, эти вложенные друг в друга по принципу «матрешки» идентичности действительно существуют и могут быть одновременно актуализированы в пределах одного высказывания.

Несмотря на это, развитие добывающей и перерабатывающей промышленности информанты в целом воспринимают как положительный процесс, который способен укрепить положение регионов и повысить благосостояние жителей. Получается, что именно ресурсное богатство Карелии и Мурманской области является фактором, дистанцирующим данные два региона от остальной России и сближающим их между собой. Карелия, Мурманская область (и, возможно, Архангельская область) позиционируются информантами как определенный макрорегион, довольно четко отграниченный от остальной России, чрезвычайно богатый природными ресурсами и работающий в ресурсном отношении в основном на экспорт. Природные ресурсы признаются структурообразующим явлением для жизни региона, а возможное их исчерпание приравнивается к апокалипсису.

Во-вторых, в интервью довольно часто заходила речь о символических правах на ресурсы. Большинство информантов считает природные богатства достоянием всех жителей конкретной местности, из чего следует, что их добыча должна вестись в первую очередь в интересах «народа» — то есть доходы от производства должны распределяться прежде всего среди населения. Поскольку подобного прямого распределения доходов не происходит, то в интервью часто можно слышать недовольство и обвинения в адрес различных акторов в коррупции и присвоении общественного имущества.

Таким образом, можно констатировать, что вопрос о ресурсах действительно оказывается важным для самоидентификации местного населения. Во-первых, причастность к добыче ресурсов – весомый структурирующий фактор, позволяющий выделить сеть «нас» и «их» этого региона. Во-вторых, сам факт наличия ресурсов в регионе является аналитической категорией, позволяющей противопоставить себя окружающему миру. По-видимому, это объясняется тем, что речь идет о зримых, физически воплощенных ресурсах, которые способны приносить выгоду прямо сейчас, а потому становятся предметом ожесточенных дискуссий. Помимо этого, из суждений информантов довольно легко вычлениаются представления о границах региона, в котором они живут: система противопоставлений довольно четко отграничивает Мурманскую область и Карелию от прочих территорий. Поэтому тема природных ресурсов является довольно важным маркером региональной идентичности.

Локальная история

Исследуемые регионы занимают огромную территорию, на которой проживает больше полутора миллионов человек. Тем не менее, по моему мнению, оказывается возможным говорить об определенных элементах *локальной истории*, которые рефлектируются как общие для всего ее населения и тем самым могут рассматриваться как влияющие на общерегиональную идентичность.

В качестве первого из таких «элементов» выделяется *этническая история региона*. И Карелия, и Мурманская область имеют довольно богатый этнический субстрат – в Карелии это разнообразные балто-финские этнические группы, в Мурманской области – саамы, а также менее известные коми и ненцы. О наличии в регионе коренных малочисленных этнических групп известно практически всем информантам, поскольку эта информация является частью школьного образования и освещается в СМИ. Отношение к «национальным меньшинствам» у информантов по большей части положительное, однако их роль рассматривается как незначительная. Встречается и прямо противоположная реакция – недоверие по отношению к представителям коренных малочисленных групп, иногда даже с обвинениями их в шпионаже и предательстве.

В Карелии, где коренные этнические группы по количеству представителей более многочисленны, у многих информантов имеются друзья или знакомые «с национальными корнями». В Мурманской области таких знакомых нет практически ни у кого из информантов, проживающих в городах. Однако степень личных контактов, как кажется, не играет особой роли: достаточным оказывается тот факт, что такие этнические группы в регионе есть. По всей видимости, наличие фоновых знаний об этнической истории местности обязано своим появлением тем или иным образовательным и культурным программам, вследствие чего формируется то или иное отношение к этническому фону. Помимо прочего, культура и язык коренных групп находят определенное отражение в городской среде — например, в области топонимики.

Выделяется два основных типа отношения к этнической проблематике: сочувствующее и недоверчиво-враждебное. Раскаения за уничтожение традиционных культур, часто встречающегося в европейских странах, в интервью не зафиксировано. Тем не менее даже представители «недоверчивой» группы мнений в отношении коренных групп ведут себя довольно мирно, признавая за всеми народами право на проживание в этой местности. Последнее, правда, не распространяется на так называемых гастарбайтеров: отношение к ним довольно негативное, практически все информанты отмечают массовые миграции такого рода в их регион в последние десятилетия и оценивают их резко отрицательно. Жители Костомукши и Печенгского района гордятся тем, что проживают в пограничной зоне: это означает, что пограничная служба не пропускает в указанные районы мигрантов. Причем интересно, что у всех информантов отношение к мигрантам последних лет и отношение к коренным этническим группам никогда не смешивается.

Второй важный для идентификационных процессов элемент локальной истории — непосредственно *история появления и развития населенного пункта*. Несмотря на то что исследованные населенные пункты возникали и развивались в целом скорее порозному, здесь имеются определенные общие места. Так, в малых приграничных городах (Костомукше, Никеле, Заполярном),

а также в меньшей степени в Мурманске развит переселенческий нарратив. Наиболее выраженный характер рассказы о переселении имеют в Костомукше, построенной в начале 1980-х гг. «с нуля». Анализ краеведческой литературы показывает, что переселенческая идентификация культивировалась уже с самого начала существования Костомукши. Похожими аргументами оперируют и информанты. В их суждениях явно выделяется мотив Костомукши как «плавильного котла», мотив скорби по покинутому дому, неприкаянности и отсутствия символических прав на свою землю.

В Никеле и Заполярном, построенных в 1950-х гг., переселенческие мотивы менее выражены, однако они подпитываются особенностями переселения в эту местность — во многом это было вынужденное переселение тех, кто был обвинен в преступлениях «против социалистического строя». Ситуация похожа на костомукшскую, но с двумя отличиями: а) во многих случаях здесь переселение было вынужденным, б) переселение происходило раньше. Вследствие этого можно наблюдать возрастное распределение: информанты старше 35–40 лет, даже если они родились уже на Печенге, знают историю переселения, а потому в их суждениях имеется тот же набор переселенческих штампов, что и в Костомукше. Более молодые информанты уже считают себя коренными жителями местности.

В Мурманске, построенном в начале XX века, переселенческий нарратив также имеется, но в более слабой форме. Чаще всего он выражается в суждениях о том, что термин «коренной» для жителей Мурманска довольно условен, так как семейную историю в городе можно проследить максимум на пять-шесть поколений. В Петрозаводске, чья история насчитывает несколько веков, переселенческий нарратив не выражен.

К мотивам, связанным с локальной историей, следует отнести также *представления о будущем*. В малых приграничных городах, полностью зависящих от комбинатов, представления о будущем, естественно, прямо связаны с будущим комбината. Информанты уверены, что если добываемые ресурсы будут исчерпаны и/или комбинат будет закрыт, то город не сможет долго существовать, так как исчезнет основание экономического благополучия.

В Костомукше при этом, с одной стороны, часто в качестве негативного примера упоминают некоторые похожие карельские города; с другой же стороны, там распространено мнение о возможной переориентации города на иное производство, так как там уже существуют предприятия не из горнодобывающей индустрии. В Никеле и Заполярном, где альтернативного производства нет, представления о будущем более апокалиптические.

В Мурманске и Петрозаводске представления о будущем не связаны прямо с работой конкретных предприятий, так как это более крупные и многопрофильные города, однако здесь также преобладают пессимистические прогнозы в отношении будущего города, и по большей части они связываются с закрытием крупных предприятий и объектов флота в Мурманске. Информанты убеждены, что расформирование таких работодателей влечет за собой ухудшение экономического положения города и отток жителей из него.

Дополнительный негативный оттенок проблеме будущего придает распространенное коллективное знание об усилившемся оттоке населения из регионов, что касается всех исследованных городов. Нежелание молодежи оставаться в родном городе после окончания школы является общим местом, и к этому нежеланию информанты относятся сочувственно, признавая, что возможностей самореализации «дома» практически нет. При этом желанным направлением миграции является либо Санкт-Петербург, либо зарубежные страны.

В целом следует сказать, что история региона воспринимается информантами по-разному: с одной стороны, как некоторый непрерывный исторический процесс, начавшийся еще «во времена» коренных этнических групп, с другой стороны — как процесс, на который влияют более масштабные факторы, не зависящие непосредственно от воли жителей региона. Тем не менее можно говорить о том, что локальная история в первую очередь воспринимается в контексте собственной жизни; соответственно, те или иные групповые характеристики также представляются зависимыми от локальной истории.

Граница

Еще одним важным маркером региональной идентичности является *граница*. Карелия и Мурманская область занимают особое положение даже среди российских пограничных регионов. На протяжении всей своей истории они всегда находились рядом с границей, что сформировало определенную систему ценностей и практик жизни на такой территории; при этом они соседствуют со странами, в обыденном дискурсе воспринимаемыми как наиболее «цивилизованные» непосредственные соседи России.

Государственная граница с Финляндией и Норвегией окончательно была установлена сравнительно недавно (Lähteenmäki 2007b: 163–165). Поэтому на некоторых территориях, которые не так давно сменили свою государственную принадлежность, восприятие границы еще находится в процессе формирования. Многие населенные пункты на этих территориях появились уже в послевоенное время. Необходимо также помнить, что после распада СССР возникли новые практики освоения и использования границы.

В восприятии границы респондентами можно выделить три мотива: *«граница как препятствие»*, *«граница как фактор престижа»*, *«граница как основа жизни и бизнеса»*.

Мотив «граница как препятствие» кажется инспирированным советскими пограничными практиками, когда оба региона относились к пограничной зоне и отличались довольно строгим режимом контроля. Созданные пропагандой образы доблестного пограничника, отлавливающего нарушителей границы («шпионов»), «границы на замке», «охраны рубежей Родины» и т.п. имели большое значение на непосредственно приграничных территориях, где до сих пор сохранилась вся необходимая инфраструктура жесткого пограничного контроля (хотя сейчас, по моим наблюдениям, она не используется). Из такого позиционирования местности как последнего рубежа следует повышенное внимание самих жителей к любым действиям чужаков, связанным с границей и ее пересечением. При этом, как кажется, собственно наличие границы не является для «местных» чем-то из ряда вон выходящим, тем, что особо обсуждается каждый день. Видимо, такое отношение нормально для ситуации повседневной близости к объекту: отличительный семиотический компонент стирается.

Процесс совершения заграничных поездок для жителей исследуемых регионов чрезвычайно упрощен. В Петрозаводске расположено консульство Финляндии, в Мурманске – консульства Финляндии и Норвегии, выдающие визы гражданам этих регионов. Жителям Карелии и Мурманской области для получения финской или норвежской визы достаточно минимума документов, к тому же практически все заявители получают долгосрочные визы. На российско-норвежской границе с 2012 г. все жители Печенгского района и пограничной с ней норвежской коммуны Сер-Варангер могут получить так называемое удостоверение жителя пограничных территорий, которое дает право пересекать границу без визы и до 15 дней находиться на территории соседнего государства в пределах 30-километровой зоны.

Второй частотный мотив в приграничных нарративах – это «граница как фактор престижа». Жители данных регионов гордятся местом своего проживания (даже если в целом характеризуют его отрицательно), так как постоянно находятся гораздо ближе «к Европе», чем большинство граждан России. Место в иерархии, которое отводят местные жители своим городам, выше городов сравнимого размера и экономического потенциала. Они признают лишь главенство столиц (скорее даже Петербурга), да и то не безоговорочно: в пользу своего города выдвигаются аргументы более спокойной обстановки и, собственно, близости границы. Граница, по суждениям информантов, облагораживает и окультуривает их самих, что дает им право судить о прочих соотечественниках, не живущих в приграничных регионах, несколько свысока.

Наконец, третий мотив, который явно выделяется в интервью, – это «граница как основа жизни и бизнеса». Сложно судить о том, насколько универсально это представление, однако определенная часть информантов, в особенности из приграничных населенных пунктов, считает наличие границы основным витальным фактором местности. Это выражается в том, что основа экономической деятельности в районе, в том числе и работа горно-обогатительных комбинатов – настоящей основы экономики, видится жителями в контексте приграничного положения населенного пункта. В эту цепочку информанты укладывают и экспортные потоки леса, рыбы и полезных ископаемых; и отток

человеческих масс за границу; и обыкновенные маятниковые поездки жителей приграничных поселений обеих стран в целях отдыха или совершения покупок.

Можно заключить, что для исследуемых регионов граница является чрезвычайно важным явлением, вокруг которого построены многие жизненные практики. Это ее влияние тем сильнее, чем ближе населенный пункт располагается к границе. В «столичных» городах преобладают скорее общие представления о приграничности территории, в исследованных малых — более конкретные аспекты, в основном экономические. Вне зависимости от того, ездит ли информант за границу, у него есть мнение о стране-соседе, о ее жителях и соотечественниках, едущих или переезжающих за границу. Присутствие границы обнаруживается в очень многих повседневных практиках и ценностях. Следующая ступень рефлексии: сравнение себя по признаку близости к границе, с одной стороны, с жителями прочих регионов России, а с другой — с заграничными соседями — еще более усиливает важность границы как маркера идентичности.

Экология

Одной из наиболее важных тем для жителей исследованных регионов является *экология*. Основная масса суждений об окружающей среде делится на два типа. С одной стороны, экологическая обстановка в исследованных регионах довольно неблагоприятна из-за большого количества промышленных и военных объектов, загрязняющих окружающую среду. С другой стороны, оба региона располагают значительными природными богатствами, рекреационными ресурсами в виде «нетронутой природы», привлекающей как местных жителей, так и туристов. Оба эти обстоятельства отражены в соответствующих нарративах, которые, как кажется, существуют в локальном тексте независимо друг от друга.

В Печенгском районе расположены два больших предприятия по добыче и переработке руд цветных металлов и других минералов. Для обслуживания этих заводов и были построены Никель и Заполярный. Переработка никелевых и прочих добываемых в районе руд является экологически небезопасным производством. Во второй половине XX века сернистые выбросы на

протяжении нескольких десятилетий загрязняли окружающую местность, в результате чего холмы вокруг Никеля и Заполярного лишились растительного покрова, не восстановившегося до сих пор (Баренц уотч 1998: 38–39). Местные жители считают произошедшее следствием того, что в 1980-е гг. для загрузки мощностей комбинатов на них перерабатывалась норильская руда, содержание серы в которой гораздо выше.

Экологические проблемы в регионе привлекли широкое внимание научной и экозащитной общественности еще в советское время. В те годы Норвегия профинансировала установку фильтров на заводские трубы, что стало одним из первых примеров международного сотрудничества в регионе. Сейчас на местности ведется постоянный многосторонний мониторинг экологической обстановки. Ей были посвящены многочисленные научные и практические конференции и прочие мероприятия на территории обоих государств (там же: 30).

В Мурманске экологические суждения информантов более широки и затрагивают всю область и даже выходят за ее пределы. К известным экологическим проблемам относятся, во-первых, промышленные загрязнения местности горнодобывающими предприятиями. Важным загрязняющим актором считается также Северный морской флот, суда и объекты которого, как предполагается, загрязняют прибрежные воды ядовитыми отходами и радиацией. В суждениях жителей Мурманска заметен масштаб: жители «столичного» города ощущают ответственность за экологическую обстановку в области и потому знают больше о проблемах полуострова в целом.

В Костомукше основных экологических проблем, по мнению информантов, две. Первая – это железодобывающий карьер, руда с которого перерабатывается на комбинате в окатыши. Считается, что работа на карьере негативно сказывается на здоровье людей, во-первых, за счет шумовых и вибрационных воздействий горной техники, а во-вторых, из-за высокого радиационного фона внутри карьера. Собственно комбинат не относится к экологически опасным акторам, так как расположен в 30 км от города и ориентирован таким образом, чтобы минимизировать влияние на Костомукшу вредных выбросов (Новости Костомукши 2012а: 3).

Количество последних, по утверждению сотрудников комбината, незначительно, так как используются современные фильтрационные системы.

Вторая важная для жителей Костомукши экологическая проблема — активная вырубка лесов на территории округа. Информанты отмечают, что эта проблема серьезно недооценена, так как леса вырубают в основном на недоступных наблюдателю территориях и доля вырубок составляет до 15% от всей лесной площади района (Новости Костомукши 2012b: 8). Возмущение жителей вызывает и то, что вырубленный лес по большей части экспортируется в Финляндию; стереотипным является образ бесконечных железнодорожных составов с лесом, идущих в сторону финской границы.

Что касается Петрозаводска, то это наиболее благополучный в экологическом отношении населенный пункт из числа исследованных. Как и в случае с Мурманском, информантам свойственна экологическая рефлексия по поводу всего региона в целом. Среди основных проблем Карелии речь идет чаще всего о вырубке лесов, об устаревших и вредных для окружающей среды целлюлозно-бумажных комбинатах и об общем загрязнении природы антропогенным мусором. Ответственность за все три вида загрязнения, по мнению информантов, лежит на внешних акторах. Однако в целом жители Петрозаводска характеризуют экологическую обстановку в Карелии как удовлетворительную, считая регион богатым на природные и рекреационные ресурсы.

Общий уровень экологической осведомленности и, если можно так выразиться, «сознательности» в исследуемых регионах можно охарактеризовать как довольно высокий. Создается впечатление, что большинство жителей приграничных территорий относятся к экологическим инициативам доброжелательно и даже приветствуют их. Необходимость экологического благополучия региона информанты обосновывают, с одной стороны, желанием обеспечить себе и своим детям достойную среду обитания, с другой — тем, что при благоприятной экологической обстановке увеличится количество туристов (считается, что туризм в этих регионах — в основном экологический).

Можно заключить, таким образом, что экологические вопросы являются важными для жителей исследуемых регионов

и воспринимаются ими как затрагивающие благополучие всех жителей местности. В приграничных районах экологический нарратив занимает большее место в локальном тексте, так как проблема загрязнения окружающей среды ощущается гораздо более отчетливо. Интересно, что экологический нарратив здесь тесно сплетен с приграничным в силу развитого межгосударственного сотрудничества по вопросам охраны окружающей среды, хотя изначально появление экологических проблем именно в приграничной зоне было простым совпадением. В «столичных» городах экологическая ответственность меньше, однако осознание ответственности распространяется на весь регион в целом. Все это дает возможность говорить о высокой важности маркера «экология» в формировании локальной идентичности.

Север

Наконец, еще одной важной для региональной идентичности темой оказывается тема *севера*. И Карелия, и Мурманская область расположены на севере европейской части России, где климатические условия довольно суровы; вся территория Мурманской области и часть территории Карелии находится за Северным полярным кругом. Жизнь в условиях Крайнего Севера имеет множество отличительных особенностей, формирующих повседневные практики. В данном разделе рассматриваются эти особенности, складывающиеся в единый образ севера как маркера региональной идентичности.

В регионах, где проводилось исследование, существуют определенные стереотипы, связанные с тем, какие качества присущи местным жителям. Эти стереотипы в целом совпадают с обычными представлениями о северных людях. Информанты считают северян более крепкими и выносливыми по сравнению с жителями более южных регионов, но вследствие этого и более неторопливыми, живущими более размеренно. Местные жители также считают, что им присущи *большая* доброта и отзывчивость по сравнению с жителями других территорий. Мотивируют это они тем, что перед лицом суровых природных условий возрастает ценность межличностного взаимодействия и помощи друг другу; здесь же часто упоминаются искренность и доверчивость жителей севера.

Отмечается и сохранение социальных связей при смене места жительства.

Жизнь на севере характеризуется информантами как тяжелая из-за того, что необходимо постоянно преодолевать суровые природные условия. К числу этих условий чаще всего относятся невысокая среднегодовая температура воздуха, суровые зимы при коротком и холодном лете, смещенный световой режим (полярная ночь и полярный день), дикость и необжитость природы.

С другой стороны, северная природа однозначно оценивается информантами как более красивая и привлекательная по сравнению с любой другой и является эстетическим аргументом в пользу проживания на севере. Зачастую Карелия и Мурманская область позиционируются как заповедник нетронутой природы, привлекающий внимание многочисленных туристов. Природа Севера в суждениях информантов наделяется теми же качествами, что и сами жители: она не может похвастаться пышностью, но под ее неказистой внешней оболочкой скрываются внутренние достоинства.

Помимо природных богатств, все проживающие на севере объединяются еще и более высоким уровнем достатка, чем жители других регионов России. Работа в районах Крайнего Севера и так называемых приравненных к ним районах приносит высокую зарплату. Это обстоятельство в советские времена было одним из главных оснований для переезда в исследуемые регионы (Потемкин 1965: 294). В наши дни важность данного фактора ослабла, однако зарплаты и паритет покупательной способности на севере все равно оказываются более высокими. Часто встречается мотив *«приезжая в более южные регионы, мы выглядим там богачами»*.

Таким образом, можно заключить, что север является важным фактором, определяющим многие аспекты жизни информантов. Эмоциональная оценка севера разнится, определенные его аспекты имеют высокую символическую ценность, другие же вызывают однозначно негативную реакцию. Важным оказывается то, что особенности жизни, формируемые за счет севера, признаются самими информантами определяющими. Сам факт проживания на севере является решающим для понимания того, кто ты такой, и это дает право считать север еще одним маркером региональной идентичности.

В этом разделе был проанализирован полевой материал, в котором выделены определенные важные для локального текста мотивы. Они оказываются одинаково важными для информантов с различными социальными характеристиками, а следовательно, можно говорить и о том, что они важны для большинства жителей региона. Таким образом, указанные мотивы можно считать маркерами региональной идентичности. Однако по-прежнему не вполне ясно, каковы пределы данной идентичности, какова ее структура и как она соотносится с функционированием Баренц-региона. Об этом речь пойдет далее.

Существует ли Баренц-идентичность?

Основным способом самоидентификации жителей исследуемых территорий является установление негативных контрастивных отношений — другими словами, описание не того, какими качествами обладает группа, а того, кому эта группа противопоставлена. Главными из оснований для такого противопоставления являются следующие:

а) коренные жители *vs.* переселенцы/мигранты. В предшествующие исторические периоды более актуальным было противопоставление коренных малочисленных народов вновь переселявшимся в эти регионы русским, позже этнический компонент стал менее выраженным, противопоставление основывается на длительности проживания в регионе;

б) регионы *vs.* федеральный центр. В риторике северных регионов России противостояние со столицей имеет давние традиции — от истории экономической независимости в дореволюционные времена до федерализации 1990–2000-х гг. В качестве аргументов для противопоставления выступает, как правило, относительная экономическая успешность регионов вследствие наличия в них природных ресурсов и их близости к границе;

в) «русские»/«россияне» *vs.* иностранцы. Здесь играют роль и противопоставление «западного» и «русского» образа жизни, и разница в уровне жизни, и культурные различия. При этом существует градация иностранцев: есть иностранцы «свои», которые им знакомы с давних пор, а есть новые, чужие — те, чей интерес к региону невозможно объяснить наличием общей границы.

Контрастивные рамки поддерживаются их более высокой, чем на многих других территориях, институционализацией. Большая институциональная оформленность границ и представлений о своем и чужом предполагает большую их важность в повседневной жизни, поскольку развиваются специфические практики взаимодействия и преодоления существующих ограничений. Представления о границах между «своим» и «чужим», таким образом, формируются в основном за счет объективно существующих социальных и политических институтов и явлений, которые жители облачают в более понятную им форму, связанную со зримыми особенностями жизни в регионе — маркерами идентичности.

В региональном дискурсе существует множество противопоставленных друг другу пар, которые определяют, отграничивают всех «чужих» и оставляют только характеристики, свойственные лишь «нам» и никому больше. Однако, по моему мнению, подобных противопоставлений и контрастов в регионе оказывается так много, что четкое представление о ядре категорий «мы» и «они» у информантов отсутствует. Основой выделения категории является не способ выражения каких-то признаков, а их наличие или отсутствие у членов многочисленных контрастивных пар. Возникает сложная и разветвленная сеть представлений о том, как в каждом отдельном аспекте жизни — маркере идентичности — индивидуально проводится эта граница между своими и чужими и каким оказывается распределение сил в парах.

По всей видимости, такую сеть убеждений и следует считать основой региональной идентичности. Нужно помнить при этом, что данная система является плодом социального конструирования и потому чрезвычайно подвижна; по этой причине один и тот же актер в разных суждениях может получать различную оценку и отнесенность. Социальная идентичность каждой группы, таким образом, определяется в любой новый момент времени по-разному в зависимости от отношений с другими актерами. То же справедливо и для всего исследуемого региона в целом. Региональную идентичность исследованных территорий нужно воспринимать как подвижную систему мотивов (маркеров) и противопоставлений, манифестация которых носит относительно устойчивый характер.

Баренц-регион и региональная идентичность.

Попытка прогноза

Проблема общей идентичности жителей Баренц-региона обсуждалась в научной литературе с самого момента его создания. В первое десятилетие существования БЕАР основным мотивом подобных суждений были богатая история трансграничных контактов в регионе и общее культурное прошлое; эти факторы признавались достаточными для признания за жителями Баренц-региона общей самоидентификации.

Сейчас невозможно с уверенностью утверждать, в какой степени утверждения 1990-х гг. отражали действительные убеждения авторов, а в какой — были усилиями (возможно, неосознанными), направленными на конструирование этой самой идентичности. А. Рогова считает, что «жители Баренц-региона на сегодняшний день не обладают общей региональной идентичностью, в регионе не существует сознания некоего общего “мы” в противовес “им”, находящимся за его пределами» (Рогова 2010: 234).

Позволю себе с этим не согласиться. Не приходится сомневаться в том, что представление об обязательном возникновении у жителей региона общей идентичности в силу самого факта его создания не выдерживает критики. Трудно спорить и с тем, что в регионе не появилось каких-либо значимых институтов формирования и поддержания идентичности — ее конструирование действительно происходит в наибольшей степени в политическом дискурсе, в научных исследованиях и в деятельности различных культурных организаций.

Тем не менее я считаю возможным утверждать, что создание Баренц-региона внесло определенные изменения в жизнь людей на его территории. Та система маркеров и противопоставлений, которая существовала на территории исследованного региона и которую я в предшествующем разделе предложил считать основой региональной идентичности, сложилась задолго до формального создания Баренц-региона. Однако с его появлением существовавшие маркеры и противопоставления приобрели новый оттенок: многие процессы в регионе теперь воспринимаются в первую очередь в контексте трансграничного сотрудничества.

Особенно хорошо это заметно в функционировании маркера границы: в советский период она воспринималась как отделяющая, закрывающая линия; в постсоветские же времена граница стала фактором скорее объединяющим, стимулирующим сотрудничество и экономические отношения (последнее особенно верно для малых приграничных населенных пунктов). Локальная история как еще один маркер идентичности также претерпела трансформацию в рамках изменения представлений о границе: история межгосударственных отношений и низового трансграничного сотрудничества теперь воспринимается не только как набор фактов из прошлого, но и как легитимация сотрудничества в наши дни.

В том же контексте воспринимается и экологическая тематика. Наиболее важным ее аспектом оказывается сотрудничество между Россией и западными странами в рамках различных природоохранных проектов. Экологическая проблематика, будучи одной из основных причин создания Баренц-региона, оказалась наиболее хорошо разработанной в его официальном дискурсе. Большую роль в этом дискурсе играет и тема севера, чрезвычайно важная для легитимации равенства сторон: *«мы похожи друг на друга, потому что живем в одинаковых суровых условиях»*.

При этом интересно, что ресурсная проблематика, вопреки тому, что можно было ожидать, не получила столь же выраженного трансграничного акцента — по всей видимости, потому, что природные ресурсы, в отличие от всех остальных маркеров, являются в этом регионе не общим достоянием, а специфически российским. Это обстоятельство кажется мне очень важным, в нем находит отражение основополагающее изменение, произошедшее после появления Баренц-региона с его жителями. Заключается это изменение в том, что в системе прежних региональных противопоставлений появилось новое: сопоставление самих себя, обычных жителей региона, с такими же обычными жителями зарубежных государств, живущими по ту сторону границы в таких же условиях и с такими же ценностями.

Подобное противопоставление было абсолютно невозможным в советский период, когда трансграничные отношения стойко увязывались с идеологией. Само представление об «обычных людях» по ту сторону границы могло сформироваться только

тогда, когда обе стороны получили возможность свободного перемещения через границу и своими глазами увидели, как живут пресловутые соседи. Другими словами, с момента открытия границы жители региона получили возможность взаимодействовать с непосредственными соседями и делать это важной частью своей жизни, а следовательно, и выстраивать соответствующим образом собственную идентичность.

Я далек от мысли о том, что сотрудничество в рамках Баренц-региона было основной причиной установления описанных ранее отношений. В постсоветский период практически на всех приграничных территориях сформировались сообщества, центральную роль в которых играет трансграничное взаимодействие, и указанный тип восприятия жизни на приграничной территории не является уникальным. Однако, как уже было сказано, граница России с Финляндией и Норвегией во многом отличается от других сухопутных границ России, и потому на этой территории требовались дополнительные конструктивистские усилия, направленные в первую очередь на преодоление последствий холодной войны. Успешное их преодоление стало возможным не в последнюю очередь за счет позитивной риторики Баренц-сотрудничества.

По всей видимости, Баренц-идентичность, если о ней можно говорить на данном историческом этапе, заключается в наличии у жителей исследованного региона общего представления о возможности успешного трансграничного сотрудничества на низовом уровне. В свою очередь это представление основывается на ключевом понятии Баренц-сотрудничества — жизни людей в одних и тех же природных и культурных условиях и проистекающем из этого их общем самосознании.

Несмотря на все сказанное ранее, необходимо отметить, что относительная сила такой идентичности, очевидно, ниже по сравнению с другими существующими в исследованной местности идентичностями. Поэтому вопрос о том, насколько применим в данном случае термин «идентичность», остается открытым: об осознанном восприятии информантами себя как жителей Баренц-региона и об оперировании связанными с ним аналитическими категориями, по всей видимости, говорить не приходится.

Заключительные замечания

В заключении попробую смоделировать дальнейшее развитие региональной Баренц-идентичности. Оно напрямую зависит от возможности ведения экономической деятельности, которая упрощается за счет Баренц-региона. Если сохранятся текущие условия сотрудничества, то можно ожидать и сохранения существующей модели самоидентификации: нечетко выраженной в эксплицитных суждениях (тяготение к традиционным маркерам и номинациям), однако отчетливо проявляющейся непосредственно в трансграничном сотрудничестве. В случае, если это низовое трансграничное сотрудничество станет основным элементом официального дискурса властей Баренц-региона, можно ожидать формирования в суждениях жителей эксплицитной аналитической категории собственной «баренцевости», которой сейчас в активном низовом дискурсе не наблюдается.

В случае свертывания программ Баренц-сотрудничества, по моему мнению, кардинальных перемен в самоидентификации не произойдет, поскольку, как было сказано ранее, Баренц-сотрудничество является не причиной, а скорее катализатором трансграничного экономического взаимодействия.

Наиболее вероятным кажется первый сценарий, при котором все заинтересованные акторы успешно сосуществуют без необходимости громких идеологических заявлений. Дальнейшие шаги по упрощению экономического взаимодействия будут способствовать укреплению текущей региональной Баренц-идентичности.

Литература

Баренц уотч (1998): Карты, статьи и факты по Баренцеву региону. Сванвик.

Булатов В. Н., Шалев А. А. (2001): *Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область: международное сотрудничество. История и современность*. Архангельск.

Дацинский С. Н., Ушаков И. Ф. (1988): Ловозеро, в: *Города и районы Мурманской области*. Мурманск.

Кондратов Н. А. (2010): Межгосударственное взаимодействие на севере Европы: географический аспект, в: *Вестник Поморского университета. Серия «Естественные науки»*, № 3. Архангельск, стр. 5–13.

Леонтьев П. Р. (1990): Костомукша, в: *Города и районы Карелии*. Петрозаводск.

Мацак В. А. (2005): *Печенга. Опыт краеведческой энциклопедии*. Мурманск.

Новости Костомукши (2012a). № 27 (2490). 12.07.2012.

Новости Костомукши (2012b). № 33 (2496). 23.08.2012.

Потемкин Л. А. (1965): *У северной границы. Печенга советская*. Мурманск.

Рогова А. С. (2010): Баренцев Евро-Арктический регион: история и идентичность, в: Байбурин А. К. (ред.): *Nomen est omen: сборник статей к 60-летию Н. Б. Вахтина*. СПб.: Издательство Европейского университета в СПб, стр. 227–235.

Berger P. L., Luckmann T. (1991): *The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge*. London: Penguin books.

Hønneland G. (1998): Identity Formation in the Barents Euro-Arctic Region, in: *Cooperation and Conflict*. Vol. 33, pp. 277–297.

Hønneland G. (2009): Cross-border cooperation in the North: the case of northwest Russia, in: Rowe W. E. (ed.): *Russia and the North*. Ottawa: University of Ottawa Press, pp. 35–52.

Jörgen G. (1999): *The new regionalism in the EU: the lessons to be drawn from Catalonia, Rhône-Alpes and West Sweden*. Stockholm: Fritze.

Katajala K. (2007): Cross-border trade in Karelia from the Middle Ages to the October Revolution 1917, in: Lähteenmäki M. (ed.): *The flexible frontier: change and continuity in Finnish-Russian relations*. Aleksanteri series 5/2007. Helsinki, pp. 70–87.

Keating M. (2001): Rethinking the region: culture, institutions and economic development in Catalonia and Galicia, in: *European Urban and Regional Studies*. Vol. 8, pp. 217–234.

Kirkenes Declaration 1993: Co-operation in the Barents Euro-Arctic Region. The Kirkenes Declaration from the conference of foreign ministers on co-operation in the Barents Euro-Arctic Region. Kirkenes, Norway, 11 January 1993. Электронный источник: <http://www.unep.org/dewa/giwa/areas/kirkenes.htm>.

Lähteenmäki M. (2007a): Introduction: the revival of regional history, in: Lähteenmäki, M. (ed.): *The flexible frontier: change and continuity in Finnish-Russian relations*. Aleksanteri series 5/2007. Helsinki, pp. 7–23.

Lähteenmäki M. (2007b): Dreaming of a greater Finland: Finnish-Russian border demarcations from 1809 to 1944, in: Lähteenmäki M. (ed.). *The flexible frontier: change and continuity in Finnish-Russian relations*. Aleksanteri series 5/2007. Helsinki, pp. 145–169.

Neumann I. B. (1999): *Uses of the other: "The East" in European identity formation*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Nielsen J. P. (2007): The Barents Euro-Arctic Region – the return of history?, in: Lähteenmäki, M. (ed.): *The flexible frontier: change and continuity in Finnish-Russian relations*. Aleksanteri series 5/2007. Helsinki, pp. 231–244.

Niemi E. (1998): Barentsregionen – én region?, in: Bjørnson Ø. et al. (eds.): *Til debatt. Innlegg ved Norske historiedager 1996*. Bergen: Universitetet i Bergen. Historisk institutt, pp. 265–275.

Paasi A. (2007): Borders and regions in a transforming Northern Europe, in: Lähteenmäki M. (ed.): *The flexible frontier: change and continuity in Finnish-Russian relations*. Aleksanteri series 5/2007. Helsinki, pp. 24–41.

Paasi A. (2008): Regions and regional dynamics in Europe, in: Rumford C. (ed.): *Handbook of European studies*. London: Sage, pp. 464–484.

Stokke O. S., Tunander O. (eds.) (1994): *The Barents Region. Regional cooperation in Arctic Europe*. Oslo: International Peace Research Institute and the Fridtjof Nansens Institute.

features which are the main reason for choosing the church, not the cultural community. The article shows different factors which unite or separate people in the church: language, denomination, age, political attitudes.

Part 3. Border and Regional Identity in Russia

The article by **Grigory Suzi** “**The influence of foreign policy aspects and ideology on the delineating of administrative border between Karelian-Finnish Republic and Leningrad region in 1940**” is devoted to the analysis of the delineating of border between Russian and Karelian-Finnish union republics in the period of the Second World War. The Soviet authorities paid special attention to border regions for several reasons. Besides military aspects these regions played the role of the facade of socialism. There was a necessity to demonstrate to other countries and to own citizens the “wisdom and coherence” of Soviet national policy towards the minorities that inhabited non-Russian border peripheries. The administrative-territorial system of the USSR took into account the national specificity of these regions which expressed in creation of national union republics. In 1940 after the Winter War between Finland and the Soviet Union Karelian Isthmus and Northern Ladoga became part of the USSR. These mostly new territories were annexed to the newly formed Karelian-Finnish republic. The authorities claimed that this region gravitated to the Soviet Karelia in economic and national ways. But there were other reasons for it. The main goal of the article is to show that the process of delineating was influenced by ideological and foreign policy aspects rather than inner reasons. In 1944 the geopolitical situation was completely changed and the whole Karelian Isthmus was annexed from Karelian-Finnish union republic to the Leningrad region.

The article by **Andrian Vlahov** “**Identities in the Russian North within the framework of the Barents Euro-Arctic Region**” deals with the question of how was the regional identity of the European part of the Russian North transforming during twenty years of the Barents Euro-Arctic Region operation. The first section describes the general political and social structure of the BEAR, the history of its construction and the aspects of the construction of social reality special for this political project. The Barents Euro-Arctic Region is perceived as a part

of “new regionalization” processes featuring an extensive system of government that has helped to construct its own political identity. The empirical section is based on a field research and analyzes field data collected in Karelia and Murmansk Oblast in 2012. The final section is an attempt to find an answer whether there is common self-identification of the Barents Euro-Arctic Region inhabitants; it is argued that the main pattern of their self-identification is the contrastive one, and the regional identity is presented as a flexible network of markers and oppositions with relatively stable manifestation. The impact of the Barents Euro-Arctic Region is considered to be crucial for building this identity as its framework had facilitated grass-roots cross-border cooperation; an extensive network of such cooperation exists, and an attempt is made to predict how the current situation can possibly develop.